

**Алексей Кара-Мурза**  
доктор философских наук, зав. отделом Института философии РАН,  
Президент фонда «Русское либеральное наследие»

## **ПУТИ РУССКОЙ СВОБОДЫ: ИВАН АКСАКОВ И МИХАИЛ СТАСЮЛЕВИЧ**

Уважаемые коллеги и друзья! Наш симпозиум из цикла «Философия и журналистика» посвящен сегодня двум выдающимся русским мыслителям, общественным деятелям и журналистам – Ивану Сергеевичу Аксакову и Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу.

Совсем недавно исполнилось 125 лет с того дня, когда в этом доме на Волхонке, принадлежавшем тогда князю Голицыну, в правом флигеле, скончался в своем рабочем кабинете Иван Аксаков, лидер русского славянофильства, и в то время редактор и издатель ведущей славянофильской газеты «Русь». А 100 лет назад, зимой 1911 г., в Санкт-Петербурге скончался на 85-м году жизни Михаил Стасюлевич, интеллектуальный лидер русского западничества, в течение 40 лет редактировавший главный русско-европейский толстый журнал – «Вестник Европы».

При всей непохожести их жизненных судеб и умонастроений, Аксаков и Стасюлевич представляли два разных направления русского свободомыслия; они были едины в главном – борьбе за русскую свободу. Наш сегодняшний симпозиум и посвящен осмыслению принципиального единства двух течений в русском либерализме – либерально-славянофильского и либерально-западнического.

Аксаков и Стасюлевич - почти ровесники: первый родился в 1823 г.; второй – в 1826 г. Судьба, как это часто бывает, сделала неожиданный кульбит: крепыш в юности Аксаков со временем, в результате тяжелых трудов, все чаще болел и умер в 63 года. Стасюлевич, до срока родившийся в дорожной карете, был сочтен абсолютно нежизнеспособным, много болел в детстве и юности, но потом - путем тоже тяжелейшего труда, - укрепил здоровье и прожил 84 года, став заметнейшей, если не сказать, культовой для русского европеизма фигурой начала нового, двадцатого века. Его почти ровесник Аксаков, проживший на 20 лет меньше, остался в веке девятнадцатом. Я постараюсь в своем докладе кратко проследить их жизненные траектории, в тесной увязке с эволюцией их умонастроений, переросших в твердые убеждения.

Окончив элитное санкт-петербургское Училище правоведения, готовившее кадры высших администраторов Империи, Иван Аксаков выбрал

поначалу чиновничье поприще, полагая, что пользу Отечеству можно принести главным образом «сверху», когда целеустремленный и при этом бескорыстный чиновник обладает властными полномочиями. Инспектируя от имени правительства российские губернии, он долгое время не без гордости писал родным, что он, чиновник по особым поручениям, хотя и небольшого пока ранга, пользуется влиянием на местах, где его и уважают и побаиваются.

Молодой Аксаков – это полнейшая антитеза гоголевскому Хлестакову, хотя описываемый им в письмах губернский и уездный мир – вполне гоголевский. Работая с 1848 г. чиновником по особым поручениям Министерства внутренних дел, он инспектирует Бессарабию и Ярославскую губернию. Самым трудным для себя объектом он считает религиозное сектантство на местах: уже тогда он отмечает, что духовная и нравственная стороны жизни – это сфера, гораздо более трудная и деликатная, чем наведение порядка, например, в государственных расходах, где бывает достаточно строгой ревизии и доклада начальству с последующим наказанием виновных. Как специалист по делам религиозного сектантства, Аксаков привлекает внимание самого министра внутренних дел графа Льва Перовского, становится его личным конфидентом, получает все более сложные задания. Ревизуя Ярославщину, и участвуя затем в судебном следствии по делу о местных сектантах, Аксаков убеждается в том, что большая часть уездов только формально числится православными, фактически принадлежа к расколу. На путях возвращения заблудших в лоно православия, молодой чиновник Аксаков, используя широкий арсенал средств (от убеждения до принуждения) добивается определенных успехов. Он жестко обличает в донесениях и письмах тех, кто двоедушничает: внешне имитируя правоверного христианина, в глубине сохраняет приверженность расколу. «Здесь раскол – подл в высшей степени, – пишет он, например, родным из Романова-Борисоглебска в июне 1849 г. Ни один не признается, что он раскольник, все притворяются до такой степени, что иной может и ошибиться и почесть их самыми усердными православными... Но, – продолжает он, – притворство есть уже уступка, и мой план – заставить их запутаться в своем собственном двоедушии до такой степени, что раскол для детей их сделается решительно невозможным».

Но уже спустя год, вера Аксакова в благотельность административных мер в делах вероисповедания серьезно колеблется. В июле 1849 г. он пишет родным из Рыбинска все той же Ярославской губернии: «Я решительно сбит с панталыку. Всё последнее время... постоянно разбивались мои с таким трудом усвоенные верования, и теперь не осталось для меня ни одной человеческой истины, о которой нельзя было бы сказать и про и

contra; я потерял всякую веру и в ум человеческий, ... и в логику, и в жизнь. Есть нравственная истина, но я не умею согласить ее с жизнью, а отречься от жизни недостает сил. Оттого-то такая тоска... Вдобавок стихи не пишутся». Ведь молодой Аксаков еще и талантливый поэт: но если раньше суровая проза жизни периодически располагала к поэзии в качестве лирической отдушины, то теперь нравственные колебания по самым фундаментальным вопросам не располагают к лирике. В 1849 г. он еще пытается уговорить сам себя. В письме родным он с остатками былой убежденности рассказывает о том, как некий помещик высек своих крепостных, принадлежащих к секте и силой окрестил, и теперь они сами якобы благодарят помещика. «Я против этих мер, - пишет Аксаков, - однако же и я убедился опытом, ... что строгость, с одной стороны, без грубого насилия, и страх с другой – во многих местах очень полезны...» И в своих донесениях министру Перовскому того времени Аксаков предлагает набор вполне полицейских мер, впрочем достаточно мягких.

Но «идеального чиновника» Аксакова постепенно начинает все более мучить принципиальный вопрос: а что если пороки в человеке возникают не в результате отхода от официального канона, а, напротив, - в результате административного, иногда жестко-репрессивного навязывания этого канона? Иначе говоря, перед 36-летним Аксаковым возникает вопрос, который еще в античности, а потом и на рубеже Нового времени в Европе, поляризовал интеллектуальную мысль на два противоположных лагеря: на сторонников Платона и сторонников Аристотеля; на адептов Томаса Гоббса и Джона Локка. Рецидивы животности в человеке: являются ли они проявлением животной сути человека, и, стало быть, требуют властной «нормализации»? Или эта животность сама и порождается репрессивным давлением на человека, который сам вполне благостен по природе? Что эффективнее и нравственнее: обеспечить человеку автономию, например, свободу совести или же - жестко контролировать эту сферу во имя искомой общественной нравственности?

На рубеже 1849-1850 гг. Аксаков все чаще переходит от формальных допросов раскольников, к обстоятельным, долгим (иногда на всю ночь) и, насколько это было возможно, задушевным разговорам с простыми сектантами; и он все более сомневается в своей административно-чиновничьей правоте. Момент радикального интеллектуального переворота можно зафиксировать на основании писем педантичного Аксакова – своим родным.

В конце октября 1850 г. он пишет родным такое письмо: На днях «снял допрос, длившийся по крайней мере часов 8»: «Не думайте, ... что этот допрос был инквизиционный; нет, я записывал только добровольное показание одного раскольника... бродившего лет 15 сряду и знакомого

со всем бытом и историей этой невидимой для нас жизни. Я убедился, что пропаганда раскола становится все сильнее и сильнее, и убежден, что ей суждено еще долго распространяться. Право, Россия скоро разделится на две половины: православие будет на стороне Казны, Правительства, неверующего дворянства и отвращающегося от веры духовенства, а все прочие обратятся в расколы. Берущие взятку будут православные, дающие взятку – раскольники». И далее самое принципиальное: о том, что огосударствление православия – безнравственно, что подлинная вера уходит в секты и происходит это из-за правительственных репрессий; в православии остаются же люди не столько верующие, сколько конформистско настроенные Аксаков пишет родным: «В здешней губернии (а это все также Ярославская губерния, которую Аксаков несколько раз за три года объездил вдоль и поперек – **АКМ**,) православный значит гуляка, пьяница, табачник и невежда. Если бы вы знали, как иногда делается страшно. Кора все больше и больше сдирается, и язва является Вашим глазам во всем отвратительном могуществе. Причины язвы – в крови. Все соки испорчены и едва ли есть исцеление... Когда кончится наша комиссия, - Бог весть. Много важных открытий сделано ею, много пользы в этом отношении принесла она мне...».

Бывший «идеальный чиновник» Аксаков окончательно убеждается в невозможности насилия в делах веры и в том, что преследование раскола не только не достигает результата, но и разлагает саму православную церковь. Со временем Аксаков становится первым и главным в России защитником свободы совести, предшественником и учителем таких интеллектуалов, как Владимир Соловьев, таких мыслящих политиков, как Петр Струве, Михаил Стахович, Василий Караулов.

Со временем Аксаков окончательно приходит к такой мысли: «Всякое внешнее полицейское преследование не только чуждо духу церкви по своему принципу, но и положительно вредно, потому что обличает в преследующих робость и безверие, которые дают смелость злу и заражают безверием преследуемых». Защищая христианскую правду, Аксаков был принципиальным противником государствоподобной церковной иерархии, воспроизводящей мирскую властную вертикаль, и тем самым профанирующей саму идею церкви Христовой: «Нигде так не боятся правды, как в области нашего церковного управления, - пишет Аксаков. - Нигде младшие так не *трусят* старших, как в духовной иерархии, нигде так не в ходу «ложь во спасение», как там, где ложь должна бы быть в омерзение. Нигде, под предлогом змеиной мудрости, не допускается столько сделок и компромиссов, унижающих достоинство церкви, ослабляющих уважение к ее авторитету». Происходит это, по мнению Аксакова, «от недостатка веры в силу

истины» и «от смешения понятий: церковного с государственным, *Кесарева с Божьим*». В противовес затвердевшей церковной иерархии, Аксаков активно выступил за приоритет самоуправляющегося прихода и приходской жизни.

В конце жизни Аксаков окончательно формулирует такой тезис: если христианство есть истина, - а христианин не может верить иначе – то «отношение к истине может быть только свободным», истина не может быть утверждена насильственно. «Свобода истины уже сама по себе предполагает свободу убеждения. А свобода убеждения предполагает в свою очередь и свободу заблуждения – с его выражением в слове, следовательно, *свободу слова*».

Итак, свобода слова у Аксакова имеет фундаментальные основания, глубочайшую религиозную санкцию. «Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человека, без которой он не человек, а животное. Безмысленны и бессловесны только скоты, - и только разум, иначе слово – уподобляет человека Богу. Мы, христиане, называем самого Бога – Словом. Посягать на жизнь разума и слова в человеке – значит, не только совершать святотатство Божьих даров, но посягать на божественную сторону человека, на самый Дух Божий, пребывающий в человеке, на то, чем человек – человек!... Умерщвление жизни мысли и слова – самое страшнейшее из всех душегубств!». Разумеется, эти аксаковские формулы существенно отличаются от «западнического», юридического в своей основе понимания прав человека, но противопоставлять их (как это иногда делается), ошибочно, глупо и недальновидно.

А тогда в начале 1850-х гг. непосредственный начальник Аксакова – министр Лев Перовский - предложил ему сделать окончательный выбор между карьерой чиновника и ремеслом литератора, поэта, журналиста. И Аксаков, снова обретший душевное равновесие (но равновесие уже не на основе верности чиновной вертикали, а на основаниях по сути либерального понимания свободы, как свободного самоопределения личности), выбирает литературу и общественную деятельность. (Добавлю пару слов о драматическом курьезе из жизни самого министра внутренних дел Льва Перовского. Поставленный Императором блюсти дисциплину и нравственность во всей Империи, он в собственном доме, в собственной семье воспитал дочь - Софью Львовну Перовскую, легендарную народоволку-террористку: именно по взмаху ее платка был смертельно ранен Император все-российский, 150-летнюю годовщину главной реформы которого мы отмечаем в эти дни).

Иным быть путь к либерализму Михаила Матвеевича Стасюлевича. Стажировка в крупнейших университетских центрах Европы в 1856-1858 гг.

(ставшая возможной после смерти Николая I и заключением новым царем Александром II Парижского мира после проигранной Россией Крымской войны), привела 30-летнего магистра истории к парадоксальному выводу: вопреки заклинаниям русских самобытников о приверженности «духовности и морали» в противовес «западной бездуховности и аморализму», именно Европа с ее укрепляющимися институтами права и демократии и является оплотом подлинной морали. Ибо несправедливость, в первую очередь политическое, и есть главный источник общественной безнравственности. «У нас так много человеколюбия, - писал Стасюлевич, - отчего же никто не счастлив? Мы со своим человеколюбием, со своею широкою любовью к ближнему, забываем, что именно от этого-то человеколюбия, которое заставляет каждого отказаться от своей личности, мы и нуждаемся в человеколюбии».

Успехи Запада Стасюлевич напрямую связывал с двумя, казалось бы, простыми вещами: характером человеческого труда и характером политического представительства. Весной 1857 г. он писал из Англии своему университетскому профессору М.С.Куторге: «У Англичан... даже нет свода законов; говоря нашим языком, - с иронией<sup>1</sup> продолжает Стасюлевич, - у них общество совершенно не благоустроено, и везде хаос. Но этот хаос такого рода, что Англичанин, как божество, творит из этого хаоса мир... В этом пример английской конституции, написанной не на бумаге, а в сердце каждого гражданина... В Англии вот что важно: здесь ценится человек и каждый отвечает за себя; отсюда и проистекает в Англии и порядок, и образованность, и богатство...». И далее – удивительная фраза, которая станет жизненным кредо западника Стасюлевича: «Англичанин, когда работает, он знает, что на него смотрит Англия, а не Директор Департамента».

Будучи в Европе, молодой Стасюлевич поразился тому, что демократизация общественной жизни не ведет к падению морали, ибо право и демократия сами становятся сакральными институтами. В мае 1857 г. он писал своему ректору П.А.Плетневу об огромном впечатлении, которое произвела на него бельгийская Палата депутатов. У величественного входа в Парламент его встретили «четыре женских статуи со скрижалями в руках», символизирующие свободу ассоциаций, свободу прессы, свободу исповеданий и свободу образования. Стасюлевич пишет Плетневу: «Вот четыре основы Бельгийской конституции: это Бельгийское Православие, Самодержавие и Народность!». Но еще больше поразило его ход самой парламентской дискуссии по одному из представленных правительством законопроектов: «Сам Министр внутренних дел защищал закон... Представляя себе божеское величие наших министров, я был поражен, как обходились здесь с ним; юноши, моложе меня, прерывали его речь своими

замечаниями и нередко окончательно сбивали с толку; несколько раз вся левая сторона просто хохотала над цветами красноречия министра...».

Именно Европе, понял молодой русский историк, совершенствующей систему народного представительства, удастся, в отличие от самодержавной России, строить политику на принципах морали. А ощущение чистоты политики неизбежно окультуривает и общественную жизнь. И наоборот, пишет Стасюлевич: «отсутствие политической нравственности ведет за собою и отсутствие общественной».

Уже зрелый и опытный Михаил Стасюлевич сформулировал принципиальные отличия русской политики от европейской. В отличие от Европы, где народное представительство тщательным отбором формирует когорту «государственных мужей», русское самодержавие способно породить лишь «государственных актеров». «В России нельзя быть государственным человеком в общеевропейском смысле этого слова; ни Кавур, ни Биконсфилд, ни даже Гизо или Бисмарк, в России не нашли бы для себя почвы под ногами, ни неба над головой; а потому у нас ничего не остается, как быть, если можно так выразиться, государственным актером, и только казаться государственным человеком». Разумеется, «актеров» в русской политике можно ранжировать по их качествам: ведь «можно играть честно, не имея в виду своих личных выгод» (как, например, Лорис-Меликов), а можно иначе – как граф Игнатьев, «который никогда не забывал себя».

Поэтому Стасюлевич не очень верил в формальные изменения русской политики, в замену одних «государственных актеров» - другими. «У нас, действительно, привыкли ожидать всего от личных перемен, - отмечал Стасюлевич. - Это отчасти привычка дворовых людей, гадать – кто будет назначен бурмистром; между тем корень добра и зла заключается всегда в *системе*... Мы похожи на больного, который переменяет врачей, но не хочет изменить своей диеты». Отечество он уподоблял «больному», который «желает возратить утраченное здоровье и вместе с тем сохранить за собой свободу набивать себе желудок и все это обильно поливать отечественным квасом вперемешку с шампанским». Стасюлевич иронизировал над верой «в силу домашних средств» и нашим пренебрежением к «заморским выдумкам врачей, никуда не годным для русского человека».

И все-таки, не веря в косметические перестановки министров-актеров наверху, Стасюлевич один раз соблазнился возможностью повлиять на самое высшее руководство. Я имею в виду тот короткий период, когда его пригласили в императорский дворец преподавать всеобщую историю наследнику-цесаревичу Николаю Александровичу – старшему сыну Александра II, подававшему большие надежды стать со временем просвещеннейшим правителем Европы.

Чему же учил Стасюлевич наследника? Он сам он писал об этом своей жене, с которой прожил более 50 лет. «Я просил его, - писал Стасюлевич, - усвоить себе великую истину, что стремление к свободе есть не результат праздной мысли философов, но потребность физиологического развития общества; что задача правительства состоит в том, чтобы делаться все более и более излишним, и тогда само общество найдет для себя такое правительство необходимым... Обвиняют общество, говорил я, что оно не хочет признавать действительных условий жизни и мечтает о небывалом, одним словом страдает утопией будущего; но и правительство часто не хочет признавать действительных условий и старается управлять обществом на основании отживших условий и, следовательно, страдает утопией прошедшего. Обе утопии происходят от невежества...». Жизнь, однако, пошла другим путем: Стасюлевича мягко «оттерли» от цесаревича; а сам Николай Александрович, увы, безвременно скончался в 1865 г. в Ницце.

Добавлю, что выпускник словесного отделения философского факультета Петербургского университета Михаил Стасюлевич вписал свое имя в историю русской философии. Именно ему принадлежит до сих пор остающаяся лучшей в нашей литературе книга об основных направлениях философии истории. Но главным поприщем Стасюлевича стала журналистская и издательская деятельность – об этом сегодня еще пойдет специальный разговор.

Стасюлевич был умеренным либералом-центристом. Его не любили и с ним и его «Вестником Европы» воевали не только охранительные издания Каткова, но и, революционно-демократические издания, например, некрасовский «Современник». Стасюлевич как-то написал жене о трудной судьбе либерала-центриста в России: «Снизу считают нас ретроgrадами и почти что подлецами, а сверху на нас смотрят чуть ли ни как на поджигателей». Но Стасюлевич на всю жизнь остался верен своему кредо – бороться с невежеством, как власти, так и общества. Уже став знаменитым журналистом и издателем, он часто повторял, что в русской журналистике, в условиях, когда общество раздираемо поощряемыми на самом верху страхами и интригами, единственный надежный ориентир – мораль и репутация честного человека. Можно выдержать любые давления государственной цензуры, травлю конкурентов, но если его журнал снизит свою нравственную планку, он из «Вестника Европы» превратится (как он говорил) в... «Вестник Африки».

Смерть Ивана Аксакова в начале 1886 г., стала скорбным событием для очень и очень многих, но тут же оказалась в центре идейной борьбы. И именно властвующая в тот момент в России идейная группировка в лице



Константина Победоносцева, графа Дмитрия Толстого, журналистов и издателей князя Владимира Мещерского и Михаила Каткова организовалась первой, для того чтобы из печального события сотворить идеологический миф, который увы, бытует и по сей день, и, не только в рядах новейших российских охранителей, но, и что парадоксально, в среде людей, формально числящих себя «либералами». Это миф о якобы антизападнике и чуть ли не о духовном окормителе русской исключительности и охранительности, славянофиле Иване Аксакове.

История создания этого мифа вполне поучительна. По свежим следам кончины и грандиозных похорон Ивана Аксакова Победоносцев, в то время обер-прокурор Священного Синода и лидер «охранительной партии», захватившей идейную власть при Александре III, пишет обширную статью-некролог в газете своего приятеля и однопартийца князя Мещерского «Гражданин». Стилистика, и весь, как сейчас, принято говорить «дискурс» этой статьи весьма напоминает некоторые тексты современных отечественных охранителей. Надо просто подставить иные фамилии, события и даты...

Читаем Победоносцева (это начало февраля 1886 г.) о роли семьи Аксаковых: «Свежа была еще память о том цинизме, с коим относились юные реформаторы России к живому ее организму, к ее истории и к быту народному, в начале царствования Александра (речь идет о «Негласном комитете» младореформаторов при молодом Александре 1-м – **АКМ.**), ... о рабском поклонении мнимому... достоинству форм быта, выросших из чуждой нам истории; а недавние события 1825 года показали, до какого самообольщения могут дойти самые передовые умы в русских людях... под влиянием ложной веры в ложное начало искусственной и чуждой нам цивилизации».

«Слово Аксаковых», продолжает Победоносцев, «было необходимо ввиду надвигавшейся с Запада тучи космополитизма и либерализма: представителем его являлся в той же Москве другой кружок - западников, кружок, из которого вышел и от коего отделился впоследствии Герцен. То было критическое время, когда прививались передовым умам России навеянные с Запада идеи, разъедавшие органическое чувство любви к *родному* краю, чувство патриотизма, - во имя отвлеченных либеральных начал». (Разница, как видим, с сегодняшним днем лишь в том, что если Победоносцев пишет о декабристах и Герцене как о заблудших, но все-таки «передовых умах», то сегодня о западниках пишут попроще - как о «прямых агентах Запада». Все-таки в имперской России, даже во времена Победоносцева и Мещерского, сохранялись понятия о дворянской чести. Когда в 1904 г., во время японской войны, тот же князь Мещерский, в той же газете «Гра-

жданин», обвинил ученика Аксакова – либерала Михаила Стаховича в том, что тот своим либерализмом играет на руку японскому императору, Стахович обратился в суд, который признал Мещерского виновным в клевете и приговорил Мещерского (напомню: личного друга двух последних императоров) к двум неделям военной гауптвахты!).

Но вернемся в 1886-й год. Аксаков был в могиле и не мог ответить на передергивания Победоносцева. Разоблачением этих идейных инсинуаций «партии Победоносцева, Каткова, Мещерского, Толстого) занялись другие либералы, и в частности, другой наш сегодняшний герой – Михаил Матвеевич Стасюлевич. В 1880-х годах в годы контрреформ Александра III, он опубликовал на Западе (в России это было невозможно) ряд писем-статей под общим названием «Черный передел реформ императора Александра II».

Стасюлевич уже тогда считал доказанным тот факт (сейчас этот факт он окончательно подтвержден), что утром в день своей гибели, Александр II окончательно решил одобрить и подписать некий «конституционный акт», который уже на следующий день хотел обнародовать. Этим актом в России должно было быть введено народное представительство, хотя пока только с законосовещательными функциями. Стасюлевич писал об этой «конституции»: «Этим актом был бы нанесен смертельный удар той черной партии, которая у нас всегда эксплуатировала Верховную власть в свою пользу; ей всегда было нужно, чтобы она оставалась *самодержавною и неограниченною*, так как будь она ограничена хотя законом, ее уже нельзя было бы тогда ограничить этою партией; неограниченное самодержавие в руках этой партии есть то же самое, что всемогущество Юпитера в руках жрецов; жрецы всегда объявят атеистом всякого, кто усомнится во всемогуществе божием не потому, что такое сомнение оскорбительно для божества, а потому, что в практике жизни это всемогущество божие есть не что иное как их собственное всемогущество, и жертва, которую вы приносите божеству, это ИХ доход, а не божеству; но попробуйте не приносить жертв – они станут жаловаться совсем не на убыток, который они терпят от вас, а на ваше безбожие и вредный либерализм, посягающий на величие божие (читай: их личные выгоды)». Согласитесь: прямо, как сегодня написано!

Стасюлевич продолжает: «Никто, потому, не пролил столько слез, никто не ударял с такою силою себя в грудь, как наша черная партия, в тот, действительно, злосчастный день первого марта; но, в сущности, этот день освободил ее от величайшей опасности, какая угрожала ей не дальше, как второго марта. Доказательством тому служит то, что черная партия поспешила воспользоваться всеобщим смятением, горем, и утирая одною рукою слезы, быстро и святотатственно протянула руку к тому акту, чтобы не

оставить от него и следа. Щедро рассыпая обвинения против либералов, упрекая их даже в сочувствии цареубийцам, или, по крайней мере, в преступном равнодушии, хотя смерть императора была тяжким ударом именно этим самым либералам, - эта партия, конечно про себя, потирала руки, торжествуя свое избавление от величайшей опасности, и тогда уже составила знаменитую твердую организацию своего «черного передела» - не земли, но идей: она поставила себе задачу «переделать» все, что было сделано в первые годы, так кстати для нее павшего царствования; а дело этой партии висело, действительно, на волоске: еще каких-нибудь 24 часа, и опасность для нее сделалась бы почти неотвратимой...». Жертвой вот этой «черной логики» и стал после своей смерти Иван Аксаков

Попытка Победоносцева и его команды включить Аксакова в свои контрреформаторские ряды несостоятельна хотя бы по тому, что Аксаков, в отличие от членов «партии черного передела», был, напротив, горячим сторонником реформ Александра II, скорбел о его гибели и если за что и критиковал, то за недостаточность и противоречивость либеральных реформ.

На защиту репутации Аксакова после его смерти выступили очень многие. Один из ближайших учеников Аксакова историк Орест Миллер, написавший замечательную биографию учителя («Внутренняя жизнь и ход развития И.С.Аксакова по его письмам», СПб, 1889), подробно высказался на этот счет после того как спустя год после смерти Аксакова скончался еще один известный журналист – на этот раз уж точно охранитель и реакционер Михаила Каткова. Орест Миллер, сравнивая в своей лекции либеральных славянофилов и Каткова нанес сильный удар по попыткам «партии черного передела» представить Каткова и Победоносцева прямыми продолжателями дела славянофилов. Миллер тогда сказал: «Хомяков, Самарин, Аксаковы утверждали, что государство почерпает свою настоящую силу в настоящем общении с землею, в узнавании от нее же самой ее нужд и стремлений, возможном только при свободе слова земли. Катков предоставлял государство его собственным средствам, той самодовлеющей власти, которая, выдаваемая за сильную, часто оказывается прямо слабою, потому что опирается только на служилых людей; они же, руководствуясь своими личными выгодами, не заботятся о знании родной земли, о внимании к ее голосу, так и не достигающему чрез их посредство до верховной власти».

Миллер еще раз перед студенческой аудиторией подчеркнул, что охранитель Катков не имеет никакого отношения к славянофильской эмансипаторской традиции, и это ясно хотя бы из того, что славянофилы, такие как Иван Аксаков, Кошелев, Самарин, князь Черкасский были не только

сторонниками, но и во многом инициаторами и идеологами «Великих реформ», в то время как Катков большую часть жизни положил на то, чтобы уничтожить память о реформах и дискредитировать их значение. Миллер сказал: «Чем далее, тем решительнее преследовал Катков великую эпоху нашего возрождения, остававшуюся в общих своих чертах всегда дорогою Аксакову. Катков даже умышленно обмолчал 25-летнюю годовщину освобождения крестьян, - этого величайшего дела покойного Государя, дела, постоянно превозносившегося Аксаковым». Последствия этой лекции Миллера о Каткове были для профессора весьма печальны: он был уволен из Университета с формулировкой: за «резкое осуждение деятельности публициста, ... высокая оценка которого ... сделана совершенно в ином смысле с высоты Престола».

Конечно, вот эти интеллектуальные стычки можно отнести к проявлениям, скажем так, «межпартийной борьбы». Но вот, на мой взгляд, абсолютно беспристрастная оценка Аксакова, которая принадлежит человеку, являющемуся образцом научной объективности и порядочности - Василию Осиповичу Ключевскому. (К слову: в этом году исполняется 170 лет со дня рождения Ключевского и 100 лет со дня его смерти: наш фонд «Русское либеральное наследие» намерен отметить эти даты специальной конференцией с участием философов, историков, журналистов).

Вот что написал тогда Ключевский в некрологе, посвященном Аксакову, с которым они вместе заседали в Историческом обществе: «Я много лет и с великой любовью следил за его (Аксакова) деятельностью как публициста, а она давно укрепила во мне убеждение, что так, как писал Аксаков, должен чувствовать всякий честный русский человек. При чем тут славянофильство, и зачем публициста, из глубины русской души всегда отзывавшегося на текущие вопросы и насущные нужды нашей жизни... характеризовать каким-то обветшалым и деланным, нерусским и непонятным термином? Я не раз слышал, что его называют славянофилом; но я всегда думал, что здесь речь идет больше о его родословной, чем об образе его чувств и мыслей: он родился и вырос в кружке, в котором некогда много говорили и писали о гниении Запада, об отношении новой России к древней, - вот и все его славянофильство. По родственным воспоминаниям, он иногда вскользь касался этих специальных славянофильских тем; но он шел своей дорогой. Из многочисленной толпы, с такой скорбью провожавшей его гроб 31 января, многие ли помышляют о гниении Запада, о реформе Петра, и в былые годы, когда мы толпами ходили слушать его на заседаниях Славянского благотворительного комитета, разве речами о мурмолах заставлял он обливаться кровью наши сердца?»

«Многочисленная толпа», о которой говорит очевидец Ключевский, собралась у нас здесь, на Волхонке – писали о 100 тысячах человек! Отпевание Аксакова прошло в университетской церкви св. Татианы, а потом гроб понесли на руках на Ярославский вокзал, откуда отправили в Троице-Сергиеву Лавру. Могила Аксакова – у стены Успенского собора, с внешней стороны алтарной части.

Не менее торжественно хоронили в 1911 г. Михаила Матвеевича Стасюлевича в Петербурге. Помимо журналистской и издательской деятельности, Стасюлевич был крупнейшим деятелем городского самоуправления, тридцать лет возглавлял училищную комиссию городской думы. Результаты его деятельности по созданию в тогдашней столице системы начальных школ и училищ поистине грандиозна. Стасюлевича, согласно его завещанию, отпевали в домовый церкви училища им. Екатерины II на Васильевском острове, а потом похоронили в одном из самых красивых храмов Петербурга – храме Воскресения Господня у входа на Смоленское кладбище. Церковь эта была при большевиках разорена, могилы уничтожены; сейчас храм восстанавливается.

В заключение хочу сказать вот о чем. В нашем постоянном и затянувшемся отечественном споре на тему «Кто виноват?» замечено одно обстоятельство. Западники, с одной стороны и самобытники – с другой, любят обвинять друг друга в «инфантилизме» и «отсутствии ответственной взрослости». «Западники» подчас с высокомерием третируют самобытников за «доморощенность» и «местечковость», неспособность признать то, что уже давно ясно «всему прогрессивному человечеству». С другой стороны, иные самобытники, рядясь в тоги «государственников» и «патриотов», не упускают случая уколоть западников за «полудетское обезьянничанье с Запада» и «неспособность дорасти до понимания национальных интересов». Мне всегда казалось абсурдным и недостойным это препирательство.

Внимательное сравнение жизненных и интеллектуальных траекторий Ивана Аксакова и Михаила Стасюлевича дает понимание того, что в поиске путей к русской свободе можно многое сделать и на путях универсализма, и на путях выявления национальной самобытности. Иначе говоря, и там и там можно быть вполне «взрослым» и стоять на уровне подлинного понимания проблем, а можно впасть в примитивизм и умственное вырождение. История России, к несчастью, полна примеров того, как высокие идеи сплошь и рядом деградируют в достаточно примитивные идеологии, становящиеся питательной средой не только для словесной демагогии, но и самой откровенной корысти. Вот почему так важно не уставать еще и еще раз предъявлять общественному вниманию примеры подлинной интеллек-

туальной зрелости и личного благородства. Среди таких примеров – Иван Аксаков и Михаил Стасюлевич. Спасибо за внимание.